

ПОДОЛЬСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНАЯ ВѢДОМОСТИ

(ГОДЪ СОРОКЪ ВТОРОЙ).

Выходятъ еженедѣльно. — ❖ — ❖ — Цѣна 5 р. 30 к. въ годъ.

16 августа № 33. 1903 года.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

Распоряженія Епархіальнаго Начальства.

Перемѣны по службѣ.

— **Опредѣлены** на священническія мѣста: въ с. Стефановку Каменецкаго уѣзда псаломщикъ с. Летавы Каменецкаго уѣзда, окончившій курсъ семинаріи *Александръ Садковскій*—12 августа и въ с. Вытягайловку Брацлавскаго уѣзда, учитель церковно-приходской школы с. Бѣличина Могилевскаго уѣзда, окончившій курсъ семинаріи *Александръ Тарасинькевичъ*—13 августа.

— **Отрѣшенъ**, по распоряженію Епархіальнаго Начальства, отъ должности благочиннаго и настоятельскаго мѣста Св.-Троицкой церкви м. Зинькова Летичевскаго уѣзда священникъ *Константинъ Подгурскій*, съ перемѣщеніемъ, административнымъ порядкомъ, для пользы службы, на священническое мѣсто въ с. Подфилипье Каменецкаго уѣзда—13 августа.

— **Оставленъ** согласно прошенію въ с. Сказинцахъ Прокурорскаго уѣзда священникъ *Михаиль Мироновичъ*, переведенный 18 іюля въ с. Дерешову Ушицкаго уѣзда,—11 августа.

— **Перемѣщены:** состоящій на иподіаконскомъ мѣстѣ при Каѳедральномъ соборѣ священникъ *Евгеній Ковальскій* на 1-е псаломщическое мѣсто въ с. Лозовату Балтскаго уѣзда—4 августа; согласно прошеніямъ, взаимно—псаломщики: с. Остапковецъ Брацлавскаго уѣзда *Евфимій Садковскій* и с. Поборки Гайсинскаго уѣзда *Александръ Хотовицкій*, с. Тимкова Балтскаго уѣзда *Вароломей Шведовскій* и с. Рознатовки Ямпольскаго уѣзда *Евсевій Добротворскій*—всѣ четверо 7 августа; с. Краснополя Балтскаго уѣзда *Макарій Михалевицъ* и с. Цыбулевки Каменецкаго уѣзда *Вархисій Сумовскій*—оба 10 августа и с. Иванковецъ Ямпольскаго уѣзда *Андрей Тарноргодскій* на псаломщическое мѣсто въ с. Кадіевку Проскуровскаго уѣзда—8-го августа.

— **Умерли:** священники—с. Петриковецъ Литинскаго уѣзда *Іоаннъ Шаравскій*—29 іюля и с. Поповой-Гребли Ольгопольскаго уѣзда *Павелъ Дложевскій*—31 іюля.

Архіерейскія служенія.

10-го августа, въ воскресенье, литургія была совершена Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Христофоромъ, Епископомъ Подольскимъ и Брацлавскимъ, въ церкви св. Апостоловъ, что на Архіерейской дачѣ, въ сослуженіи Каѳедральнаго протоіеря Никола Бунина, протоіеря Павла Викула, священниковъ Александра Копержинскаго и Кондрацкаго. Рукоположенъ во священника новорукоположенный діаконъ, окончившій курсъ Подольской духовной семинаріи Лука Волинецкій, назначенный въ с. Карповку Могилевскаго уѣзда, и во діакона окончившій курсъ Подольской духовной семинаріи Василій Дзюбинскій, назначенный на священническое мѣсто въ с. Витольдовъ-Бродъ Балтскаго уѣзда.

15-го августа, въ праздникъ Успенія Пресв. Богородицы, всенощное бдѣніе и литургія были совершены Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Христофоромъ, въ Успенской церкви Архіерейскаго Дома. Сослужащими на всенощной были Каѳедральный протоіерей Никола Бунинъ, Ключарь

протоіерей Евфимій Сѣцинскій, протоіерей Василій Павлиновъ, священники Александръ Копержинскій и Кондрацкій и іеромонахи Евфросинъ и Нектарій; на литургіи сослужащими были Каѳедральный протоіерей, ректоръ семинаріи протоіерей Николай Малиновскій, протоіерей Аѳанасій Шманкевичъ, Ключарь, протоіерей Василій Павлиновъ и священникъ Григорій Кондрацкій. Рукоположены: во священника новорукоположенный діаконъ Василій Дзюбинскій и во діакона псаломщикъ с. Скотынянъ Каменецкаго уѣзда Владиміръ Богдановичъ, назначенный на священническое мѣсто въ м. Ободовку Ольгопольскаго уѣзда. Проповѣдь сказана соборнымъ протоіереемъ Павломъ Викуломъ. Послѣ литургіи былъ отслуженъ молебенъ Божіей Матери, по случаю Храмоваго праздника Успенской церкви.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано: „**Закрѣпить Комитетъ и передать оставшійся капиталъ въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ**“. Царское Село, 27-го мая 1903 г. Словесно ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ благоугодно было указать, чтобы капиталъ былъ внесенъ въ Государственный Банкъ, а распоряженіе доходами предоставлено, для ремонта зданій и содержанія причта церковнаго, Русскому Дипломатическому Агенту въ Болгаріи, въ г. Софіи. Подписаль Генераль-Адъютантъ *Графъ Игнатъевъ*.

ОТЧЕТЪ

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго Комитета по сооруженію православнаго храма у подножія Балканъ, въ поминавленіе воиновъ, павшихъ въ войну 1877—78 годовъ.

15-го сентября минувшаго 1902 года, во время празднованія 25-ти-лѣтія защиты Шипкинскаго перевала, совершилось торжественное освященіе сооруженнаго у подножія Балканъ, близъ с. Шипки, православнаго храма въ память воиновъ, павшихъ на Балканскомъ полуостровѣ въ 1877—78 г. за освобожденіе Балгаръ. Вмѣстѣ съ храмомъ-памятникомъ освящены также воздвигнутыя при немъ другія постройки: духовная семинарія, больница, дома для причта и учительскаго персонала и нѣсколько хозяйственныхъ

сооруженій. Какъ уже подробно изложено въ отчетѣ строительнаго Комитета, опубликованномъ въ апрѣлѣ прошлаго 1902 года въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“ и другихъ органахъ русской печати, дѣятельность Комитета продолжалась около 23 лѣтъ. Начавъ въ маѣ 1879 года сборъ пожертвованій и приступивъ въ 1885 г. къ строительнымъ работамъ, Комитетъ, влѣдствіе возникшихъ въ Болгаріи смуть, долженъ былъ въ 1888 году прекратить работы и только весной 1897 г. таковыя могли быть вновь открыты.

Съ какими затрудненіями и препятствіями Комитетъ вообще боролся во все продолжительное время осуществленія своей задачи, объ этомъ подробно оповѣщено было въ томъ же вышеупомянутомъ отчетѣ. Нынѣ, съ передачею въ вѣдѣніе Россійскаго Святѣйшаго Синода Шипкинской усадьбы, со всеми сооружеиіями и принадлежащимъ къ нимъ инвентаремъ, оканчивается дѣятельность Строительнаго Комитета и остается ему лишь дать отчетъ о тѣхъ денежныхъ средствахъ, какія поступили въ его распоряженіе и какіе изъ нихъ произведены расходы.

Со времени открытія дѣйствій Комитета, съ мая

1880 г. по май 1903 г., когда прекратилась

его дѣятельность, поступило пожертвованій

наличными деньгами 435.911 р. 23¹/₂ к.

и % бумагами 650 „ — „

Итого 436.561 р. 23¹/₂ к.

Въ теченіе того же времени получено процентовъ, какъ по % бумагамъ, въ которыя пожертвованія были обращены, такъ и по наличнымъ деньгамъ, находившимся на текущемъ счетѣ въ Государственномъ и другихъ банкахъ (въ томъ числѣ поступившіе отъ Государственнаго Казначейства въ возмѣщеніи потерь отъ обложенія 5% налогомъ доходовъ съ капиталовъ Комитета) 587.326 р. 38¹/₄ к.

Приплачено Государственнымъ Банкомъ по конвертированнымъ % бумагамъ и поступило въ возмѣщеніе потерь отъ конверсій 52.867 „ 51 „

Выручено отъ продажи оставшихся строитель-
ныхъ матеріаловъ и прочія мелкія поступления 216 р. 50 к.

Всего составилось денежныхъ средствъ Ком. 1.076.971 р. 62³/₄ к.

Поступившія пожертвованія распределяются по
источникамъ поступления слѣдующимъ поряд-
комъ:

Всемилоствѣйшія пожаловано въ Возѣ почив-
шимъ Императоромъ Александромъ II . . . 1.000 р. — к.

Пожертвовано покойнымъ Княземъ Алексан-
дромъ Баттенбергскимъ 400 „ — ”

Пожертвовано начальниками, офицерами, ниж-
ними чинами и вообще служащими отдѣльныхъ
воинскихъ частей, сухопутныхъ и морскихъ 30.037 „ 98 „

Поступило отъ духовнаго вѣдомства пожертво-
ванныхъ и собранныхъ епархіальными архіе-
реями, монастырями, благочинными, приход-
скими священниками, и консисторскими чинов-
никами 168.821 „ 24¹/₂ ”

НВ. Въ томъ числѣ пожертвованныхъ Аѳонскими мо-
настырями 8,112. р.

Пожертвовано начальниками, преподавателями и
учащимися учебныхъ заведеній, мужскихъ и
женскихъ, разныхъ исповѣданій и вѣдомствъ 5.918 „ 38 ”

Пожертвовано служащими въ разныхъ правитель-
ственныхъ учрежденіяхъ гражданскаго вѣдом-
ства 20.964 „ 53 ”

Поступило отъ дворянства какъ коллективно,
такъ и собранныхъ по подписнымъ листамъ
и пожертвованныхъ предводителями дворянства 7.634 „ 98 ”

Пожертвовано городскими думами, а также по-
жертвовано и собрано по подпискѣ городскими
головами, членами городскихъ управъ и слу-
жащими въ нихъ 55.475 р. 32 к.

НВ. Въ томъ числѣ пожертвовано Москов-
скою Городскою Думою въ память двадцатиде-

тилѣтія царствованія въ Возѣ почившаго Го-
сударя Императора Александра Николаевича
50.000 руб.

Собрано и пожертвовано членами земскихъ управъ и мировыхъ учрежденій и служащими въ нихъ	7.189 р. 70 ¹ / ₂ к.
Собрано и пожертвовано начальниками губерній и полицейскими чинами	78.601 „ 51 „
Отъ мѣстныхъ комитетовъ и управленій Россій- скаго Общества Краснаго Креста	4.488 „ 83 „
Отъ русскихъ посольствъ, миссій и консульствъ за границую	6.559 „ 05 ¹ / ₂ „
Отъ ярмарочныхъ комитетовъ	991 „ 91 „
Отъ частныхъ банковъ, обществъ и учрежденій	2.222 „ 40 „
Отъ желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ обществъ и управленій и отъ страховыхъ обществъ	17.160 „ 77 „
Отъ содержателей фабрикъ и заводовъ	8.605 „ 02 „
Отъ кушцовъ и торговыхъ обществъ и компаній	5.763 „ 07 „
Отъ мѣщанъ, ремесленниковъ и рабочихъ артелей	974 „ 22 „
Непосредственно отъ крестьянъ	7.509 „ 25 „
Отъ клубовъ и общественныхъ собраний	430 „ 50 „
Отъ разныхъ лицъ чрезъ редакціи газетъ и отдѣльно	4.629 „ 59 „
Отъ содержателей гостиницъ и трактирныхъ заведеній	720 „ 47 „
Отъ биржевыхъ маклеровъ и нотаріусовъ	462 „ 50 „
<hr/>	
Всего	436.561 р. 23 ¹ / ₂ к.

Сверхъ того поступили слѣдующія приношенія иконами,
церковною утварью и другими предметами:

Въ 1880 г.: отъ А. О. Лутушиной—образъ св. Апостоловъ
Петра и Павла въ серебряной ризѣ.

Отъ Настоятеля и Братіи Благовѣщенской Никандровской
Пустыни, Псковской епархіи—икона преподобнаго Никандра Псков-
скаго, на кипарисѣ, два экземпляра службы и житія угодника,
серебряный вызолоченный крестъ и св. Евангеліе въ бархатѣ съ
серебряными украшеніями.

Въ 1881 г.: отъ Мануфактуръ-Совѣтника Н. И. Оловяшниковъ—церковная утварь, именно: 9 подсвѣчниковъ, 2 лампы, 2 кадила, 4 блюда, 2 кропила, 2 креста, ковчегъ, Евангеліе, пасхальная свѣча, панихидница, муропомазанница, ковшикъ съ тарелочкою, чайникъ, тазъ, умывальникъ, купель, чаша,—мѣдные посеребренные, и 5 колоколовъ въ 25 пудовъ вѣса.

Отъ священника Николаевского прихода, слободы Никольской, Старобѣльскаго уѣзда, Харьковской епархіи, Самуила Федорова—два шелковыхъ платка для престола.

Въ 1882 г.: отъ купеческой дочери Е. А. Очкиной—церковная утварь, доставленная священникомъ Николаевской церкви въ г. Пензѣ, Григоріемъ Соколовымъ, состоящая изъ дискаса, потира, звѣздицы, лжицы, копія, ковшика и двухъ блюдь.

73 аршина повины (холста), доставленной Ярославскимъ губернаторомъ (приношеніе мѣстныхъ крестьянъ).

Въ 1883 г.: отъ крестьянъ Глѣбовской волости, Рыбинскаго уѣзда, Ярославской губерніи,—ящикъ съ серебряными позолоченными церковными сосудами, состоящими изъ чаши, потира, дискаса съ принадлежностями, пожертвованными въ память 25-лѣтія царствованія въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича.

Отъ Благочиннаго Боровскаго собора священника Василя Казанскаго—26 аршинъ холста.

Въ 1885 г.: отъ бывшаго священника л.-гв. Егерскаго полка протоіерея Павла Фаворскаго—образъ Рождества Христова, въ серебряномъ, позолоченномъ, окладѣ, украшенномъ драгоценными камнями, съ изображеніемъ на оборотной сторонѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича.

Отъ В. И. Иконникова—кіотъ краснаго дерева, рѣзной, съ образомъ Нерукотвореннаго Спаса, древняго письма, въ серебряномъ окладѣ и позолоченной рамѣ.

Въ 1893 г.: отъ чистопольскихъ мѣщанъ гг. Карнѣевыхъ—образъ святыхъ Маріи Магдалины и Іоанна Богослова, въ серебряномъ окладѣ и позолоченной рамѣ.

Въ 1893 г.: отъ Е. П. Васильчиковой —образъ Воскресенія Христова, на деревѣ отъ купола надъ Св. Гробомъ Господнемъ и образъ св. Иоанна Рыльского, на деревѣ.

Въ 1901 г. стпущены съ Высочайшаго соизволенія изъ Московскаго Окружнаго Артиллерійскаго Склада 2.500 п. стрѣляныхъ латунныхъ гильзъ на отливку колоколовъ.

НВ. Стоимостью гильзъ покрыты расходы по отливкѣ.

Отъ русскаго на Аѳонѣ монастыря св. Павтелеймона— 83 иконы для иконостаса, написанныя на кипарисныхъ доскахъ.

Отъ Графини Толстой — покрывало и воздухи, вышитыя шелками.

Въ 1902 г.: отъ Кабинета Его Императорскаго Величества Всемиловитѣше пожертвованныя въ Бозѣ почивающимъ Императоромъ Александромъ II, ризы и запрестольная икона св. Рождества Христова.

Отъ Его Высочества князя Фердинанда Болгарскаго—образъ св. Бориса, художественнаго письма на холстѣ, въ кіотѣ подъ стекломъ.

Отъ купца П. В. Щетинкина въ Казани—ризы.

Отъ Орловскаго и Брянскаго пѣхотныхъ полковъ—иконы Св. Николая Чудотворца и Преображенія Господня, въ серебряныхъ вызолоченныхъ ризахъ и рѣзныхъ дубовыхъ рамахъ, съ лампадами.

Отъ Московскаго Епархіальнаго свѣчнаго завода—свѣчи восковыя для употребленія въ день освященія храма и нѣсколько ковровъ отъ Н. Н. Каншина, въ Москвѣ, и другихъ лицъ.

Въ продолженіе 23-лѣтняго періода дѣятельности Комитета, произведено расходовъ:

на изысканіе мѣстности подъ постройки, съ командировками на мѣсто построекъ членовъ Комитета и прочихъ лицъ 6.327 р. 06 к.

На подготовительныя работы, временныя постройки, земляныя и прочія работы, предшествовавшія прекращенію въ 1888 г. постройки

храма, вызванному измѣнившимися въ Болгаріи политическими обстоятельствами	80.937 р.	55 к.
На охрану и сохраненіе Французскимъ Консульствомъ въ Филиппополѣ съ 1888 по 1897 г., во время перерыва работъ, имущества Комитета на Шипкѣ	16.376 „	67 „
На приобрѣтеніе земли подъ постройки и церковную усадьбу	1.800 „	70 ¹ / ₂
На составленіе списковъ убитымъ и умершимъ отъ ранъ во время войны 1877—78 гг. воинамъ, для изображенія именъ на мраморныхъ доскахъ въ храмѣ	1.515 „	— „
На содержаніе въ теченіе 12 лѣтъ, согласно Высочайше утвержденному 19-го іюня 1891 г. постановленію Комитета, въ русскихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ стипендіатовъ изъ болгарскихъ уроженцевъ	55.550 „	29 ¹ / ₂
На приемъ и храненіе въ Хозяйственномъ Управленіи Св. Синода пожертвованій и веденіе имъ отчетности	1.000 „	— „
На храненіе въ Государственномъ Банкѣ %о бумагъ Комитета и въ С.-Петербургскихъ Кокоревскихъ складахъ пожертвованныхъ вещей	2.257 „	80 „
На пенсію потерявшему зрѣніе на службѣ Комитета черногорцу Николаю Пырлѣ	1.750 „	37 „
На дѣлопроизводство и счетоводство Комитета, телеграфные и почтовые расходы по Комитету, печатаніе отчетовъ, бланковъ и воззваній о пожертвованіяхъ, ревизію отчетности строителей и отдѣленія Комитета, помѣщеніе Комитетской Канцеляріи и на экстраординарные расходы	46.653 „	57 „
На почтовую и телеграфную корреспонденцію строителя и Филиппольскаго Отдѣленія Комитета (1.847 фр. 09 ¹ / ₁ с.+296 р. 39 к.) ¹⁾	989 „	05 „

¹⁾ Франки переведены на рубли по курсу 37 р. 50 к. за 100 фр.

На содержаніе сторожей, служителей и садовника (17.862 фр. 20 с.)	6.698 р. 33 к.
На командировки и поѣздки лицъ отъ Отдѣленія и строителя (2386 фр. 70 с.)	895 „ 01 „
На содержаніе секретаря-письмоводителя Отдѣ- ленія (8.870 фр.)	3.326 „ 25 „
На переводы и пересылки денегъ Отдѣленіемъ строителю на Шипку (513 фр. 53 с.)	192 „ 57 „
Расходы во время освященія храма, съ угоще- ніемъ гостей, ополченцевъ и народа (3011 фр. 91 с.+2.400 р.)	3.529 „ 47 „
Разные мелкіе расходы Отдѣленія и строителя (5344 фр. 30 с.+25 р.)	2.029 „ 11 „
Передано строителемъ находящемуся при храмѣ іеромонаху Геннадію на расходы по содер- жанію сторожей, рабочихъ и на ремонтъ зданій (2.200 фр.)	825 „ — „
На преміи за представленныя на конкурсъ проекты храма	2.200 „ — „
На составленіе смѣтъ и чертежей, переписку смѣтъ, копіи плановъ и чертежей, фотографи- ческіе снимки съ строеній, провѣрку смѣтъ и технической отчетности	3.506 „ 50 „
На вознагражденіе строителей: Военнаго Инже- нера С. В. Успенскаго и Профессора Архи- тектуры А. Н. Померанцева—за техническій надзоръ; на содержаніе архитекторовъ-помощ- никовъ, десятниковъ, чертежниковъ и другихъ лицъ технического и строительнаго персонала; на многочисленныя въ теченіе 8 лѣтъ поѣздки г. Померанцева изъ Россіи на мѣсто построекъ и обратно; на мѣстные разѣзды по дѣламъ строительства и пр.	86.620 „ 74 „

(Окончаніе слѣдуетъ).

Вакантныя мѣста:

а) Священническія.

- 1) Въ с. *Штылевкѣ съ Муховцами* Брацлавскаго уѣзда (перваго), съ 1 ноября 1902 года.
- 2) Въ с. *Муховцахъ со Штылевкою* (втораго) Брацлавскаго уѣзда, съ 28 января.
- 3) Въ с. *Десеровкѣ* Литинскаго уѣзда, съ 27 февраля.
- 4) Въ с. *Цвижинѣ* Винницкаго уѣзда, съ 15 марта.
- 5) Въ с. *Куражинѣ* Ушицкаго уѣзда, съ 19 апрѣля.
- 6) Въ с. *Низшей-Томашовкѣ* Проскуровскаго у., съ 17 іюня.
- 7) Въ с. *Новомъ-Сель* Проскуровскаго уѣзда, съ 19 іюня.
- 8) Въ с. *Балакирахъ* Каменецкаго уѣзда, съ 19 іюня.
- 9) При церкви *Каменецкихъ Богоугодныхъ заведеній*, съ 18 іюня.
- 10) Въ с. *Камянкахъ* Гайсинскаго уѣзда, съ 3 іюля.
- 11) Въ с. *Карповцахъ* Проскуровскаго уѣзда, съ 10 іюля.
- 12) При *Покровской церкви с. Копытырина* Ямпольскаго уѣзда, съ 9 іюля.
- 13) Въ с. *Сказинцахъ* Проскуровскаго уѣзда, съ 18 іюля.
- 14) Въ с. *Захарьяшевкѣ* Брацлавскаго уѣзда, съ 18 іюля.
- 15) Въ с. *Голосковѣ* Каменецкаго уѣзда, 21 іюля.
- 16) Въ с. *Щербаняхъ* Литинскаго уѣзда, съ 30 іюля.
- 17) Въ с. *Забужьѣ* Брацлавскаго уѣзда, съ 1 августа.
- 18) Въ с. *Маниловкѣ* Проскуровскаго уѣзда, съ 27 іюля.
- 19) Въ с. *Кумановцахъ* Литинскаго уѣзда, съ 4 мая.
- 20) Въ с. *Дерешовой* Ушицкаго уѣзда, съ 18 іюля.
- 21) Въ с. *Петриковцахъ* Литинскаго уѣзда, съ 29 іюля.
- 22) Въ с. *Поповой-Гребли* Ольгопольскаго уѣзда, съ 31 іюля.
- 23) При *Св.-Троицкой церкви м. Зинькова* Летичевскаго уѣзда, съ 13 августа.

б) Псаломщическія.

- 1) При *Покровской церкви г. Каменца* (Русскіе Фольварки) съ 7 іюля.
- 2) Въ с. *Скотынянахъ* Каменецкаго уѣзда, съ 10 іюля.

- 3) Въ с. *Сильницѣ* Брацлавскаго уѣзда, съ 10 іюля.
- 4) Въ с. *Чаусовой-Забугской* Балтскаго уѣзда, съ 10 іюля.
- 5) Въ с. *Вербокъ* Каменецкаго уѣзда, 25 іюля.
- 6) Въ с. *Росошѣ* Гайсинскаго уѣзда, 7 іюля.
- 7) Въ с. *Новой-Синявѣ* Литинскаго уѣзда, 2 іюля.
- 8) При *Брацлавской соборной церкви* (втораго псаломщика), съ 30 іюля.
- 9) При *Каменецкомъ Катедральномъ соборѣ* инодіаконское мѣсто, съ 4 августа.
- 10) Въ с. *Иванковцахъ* Ямпольскаго уѣзда, съ 8 августа.
- 11) Въ с. *Летавѣ* Каменецкаго уѣзда, съ 12 августа.

Примѣчаніе. Свѣдѣнія о количествѣ земли, населеніи и причт. постр. помѣщены въ „Справочной книжкѣ на 1903 г.“

Отъ Совѣта Чернокозинецкой второкласной школы.

Приемныя испытанія для поступленія въ Чернокозинецкую второкласную школу въ наступающемъ 190³/₄ учебномъ году будутъ производиться 1-го сентября. Желающіе поступить въ число учениковъ школы къ означенному сроку должны представить на имя Совѣта школы свои прошенія съ приложеніемъ слѣдующихъ документовъ: 1) свидѣтельства объ окончаніи однокласной школы, 2) метрическаго свидѣтельства о рожденіи, 3) удостовѣренія о привитіи оспы и 4) удостовѣренія отъ приходскаго священника о поведеніи и усердіи къ посѣщенію храма Божія.

Предѣльный возрастъ для приема въ 1 отд. школы отъ 13 до 17 лѣтъ.

Содержаніе: *Распоряженія Епархіального Начальства:* Перемѣны по службѣ.—Архіерейскія служенія.—Отчетъ Высочайше утвержденнаго Комитета по сооруженію православнаго храма у подножія Балканъ.—Вакантныя мѣста.—Объявленіе.

Редакторъ официальной части Секретарь Подольской Духовной Консисторіи **Иванъ Савичъ.**

Цензоръ протоіерей **Илія Лебедевъ.**

ПОДОЛЬСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВЪДОМОСТИ

16 августа № 33. 1903 года.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Сельскій пастырь по вопросу о сердечности въ пастырскихъ отношеніяхъ къ пасомымъ и соединенному съ нимъ вопросу о платѣ за требы.

Въ ряду необходимыхъ условій плодотворности разумно-направленной дѣятельности на пользу ближняго, сердечность и проистекающая отсюда искренность во взаимныхъ отношеніяхъ стоящихъ въ сферѣ этой дѣятельности лицъ безспорно занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Давно извѣстно, что только на почвѣ взаимнаго довѣрія возможна разумно-плодотворная работа, а этого довѣрія никогда не будетъ тамъ, гдѣ въ отношеніяхъ руководящихъ лицъ къ руководимымъ отсутствуетъ сердечность. Естественно, поэтому, что вопросъ о сердечности въ пастырскихъ отношеніяхъ къ пасомымъ долженъ быть поставленъ въ ряду непремѣнныхъ и существенно важныхъ условій плодотворности пастырскаго служенія; скажемъ болѣе,—вопросъ этотъ въ высококомъ пастырскомъ дѣланіи долженъ имѣть и на самомъ дѣлѣ имѣть значеніе громадной, первостепенной важности. Въ наши дни поставленный вопросъ выдвигается на очередь самимъ временемъ; еще такъ недавно отъ близкой сосѣдки нашей Подоліи древней Волыни раздался горячій призывный голосъ Волынскаго Архипастыря, побуждающій подвѣдомственное духовенство къ дружной плодотворной пастырской работѣ на пользу руководимыхъ паствъ. Кому только дорога высокая идея пастырскаго служенія, кто приметъ на себя это служеніе не прибытка ради, а съ твердымъ

убѣжденіемъ быть полезнымъ труженикомъ на великой нивѣ спасенія душъ людскихъ, тотъ не можетъ не откликнуться всей душой на этотъ исполненный самаго глубокаго значенія архипастырскій призывъ. Откликомъ, хоть и слабымъ, на этотъ призывъ является и настоящая наша замѣтка по поставленному въ заглавіи ея вопросу. Естественнымъ побужденіемъ къ написанію ея послужило слѣдующее. Безспорно, что насущнѣйшую потребность въ кругѣ пастырскихъ отношеній къ пасомымъ составляетъ потребность живаго, сердечнаго взаимообщенія между пастыремъ и его духовными дѣтьми; но всякій внимательный и безпристрастный наблюдатель жизни духовенства не можетъ не отмѣтить въ нѣкоторыхъ случаяхъ печальныхъ фактовъ ненормальности въ нашихъ отношеніяхъ къ пасомымъ. Еслибы кто-либо поставилъ намъ вопросъ о томъ, умѣстно и удобно-ли открыто говорить объ этой ненормальности въ нашихъ отношеніяхъ къ пасомымъ, то мы позволили-бы себѣ въ отвѣтъ на него напомнить прекрасный завѣтъ въ Бозѣ почивающаго пренепоматнаго святителя Амвросія Харьковскаго въ одномъ изъ его вдохновенныхъ писаній,—завѣтъ, который, на сколько помнится, можно формулировать приблизительно такъ: „если будутъ насъ хвалить антицерковные люди, для насъ въ этомъ не должно быть особенныхъ побужденій выражать свою радость; и если они будутъ намъ показывать наши дѣйствительныя, а не мнимыя болѣзни, а иногда язвы, мы нисколько не должны этимъ смущаться и тѣмъ болѣе выступать на неудобную и бесполезную защиту себя, такъ какъ знать эти (дѣйствительныя) болѣзни существенно необходимо для успѣшнаго леченія больного организма“. Такъ говорилъ святитель относительно свѣтскихъ лицъ, выступающихъ судьями духовенства. Но намъ, пастырямъ церкви, стоящимъ лицомъ къ лицу къ народной жизни, лучше знать, что въ нашихъ отношеніяхъ къ пасомымъ хорошо и что требуетъ исправленія. Поэтому и правдивое, чуждое крайностей слово изъ среды духовенства о ненормальности въ пастырскихъ отношеніяхъ къ пасомымъ можно признать и умѣстнымъ и удобнымъ: мы, безспорно, повредили бы тому высокому, святому дѣлу, которому призваны служить, еслибы сами намѣренно стали закрывать глаза

на то, что прямо бьетъ въ глаза и, такъ сказать, требуетъ леченія. А такимъ-то бьющимъ въ глаза фактомъ и являются замѣчаемыя нынѣ въ жизни и дѣятельности нѣкоторыхъ пастырей формальныя отношенія къ пасомымъ и отсутствіе въ сихъ отношеніяхъ сердечности.

Само собою разумѣется, что считая себя въ рядахъ православнаго духовенства и относясь къ нему съ чувствомъ братской любви и уваженія, мы далеки будемъ отъ мысли въ рѣшеніи нашего вопроса сказать что-либо укоризненное по его адресу или, какъ это принято и часто попадаетъ въ извѣстной части свѣтской періодической печати, выставить наготу на позоръ людской. Мы скажемъ по побужденіямъ той же братской любви и единственно съ доброю цѣлю, и если все-таки скажемъ слово правды, то по глубокому убѣжденію, что лучше сразу и прямо открыть болѣзнь, чѣмъ ее обходить, замалчивать: послѣднее не полезно, а наоборотъ—вредно. Мы далеки также и отъ той мысли, что вездѣ и у всѣхъ пастырей отношенія къ пасомымъ формально-холодныя; знаемъ лично и не отказываемся вѣрить, что въ родной Подоліи не мало и сердечно преданныхъ дѣлу пастырства лицъ. Задача указать ненормальности въ нашихъ отношеніяхъ къ пасомымъ въ добрыхъ, разумѣется, цѣляхъ возможнаго улучшенія сихъ отношеній,—задача, конечно, смѣлая, чтобы не сказалъ кто-либо, дерзкая. Берущему на себя такую задачу нужно быть готовымъ съ первыхъ же строкъ услышать извѣстное „врачу, исцѣлися самъ“ (Луки 4, 23). Въ виду этого и въ интересахъ полного безпристрастія почитаемъ справедливымъ оговориться, что намъ безусловно чужда горделивая мысль о томъ, будто у насъ лично въ отношеніяхъ къ пасомымъ все обстоитъ благополучно: мы, наоборотъ, открыто заявляемъ, что и мы слабы... Но даль бы Богъ, чтобы слабости свои мы замѣчали и старались ихъ уменьшать. На послѣднемъ обстоятельствѣ мы и основываемъ свое право сказать нѣсколько словъ по вопросу о сердечности въ пастырскихъ отношеніяхъ къ пасомымъ и соединенному съ нимъ вопросу о платѣ за требы. Итакъ, послѣ настоящаго, довольно длиннаго введенія, которое, какъ намъ кажется, вызывается

самою постановкою нашего вопроса и котораго, по этому, мы не могли избѣжать, мы приступаемъ къ самому дѣлу.

Наблюдая отношенія пастырей (не всѣхъ, конечно) къ пасомымъ, нельзя прежде всего не отмѣтить иногда положительной недоступности, какого-то страннаго отдаленія пастыря отъ своей паствы. Въ отношеніяхъ такого пастыря къ пасомымъ преобладаетъ холодная формальность, во многомъ напоминающая чиновничество: его дѣло—отслужить въ церкви, сказать, по заведенному порядку, поученіе, не слишкомъ интересуясь тѣмъ, просто-ли оно и общедоступно по изложенію и имѣеть-ли живое отношеніе къ состоянію слушателей, принять официально заявленіе о требѣ, получить слѣдующее за трудъ, и... кажется все, что онъ считаетъ для себя нужнымъ по отношенію къ прихожанамъ. И выходитъ, что дѣло-то дѣлается, но все дѣлается въ какомъ-то почтительномъ отдаленіи отъ паствы, вслѣдствіе чего и бѣдны бываютъ положительные результаты такого дѣла. Когда къ этому присмотришься, то не можешь не замѣтить тотчасъ, что когда прихожанинъ является къ священнику, то какъ будто это подчиненный имѣеть дѣло съ своимъ начальникомъ, между которыми первымъ всегда чувствуется раздѣляющая ихъ положенія громадная дистанція, а не духовное чадо съ своимъ духовнымъ отцомъ. Нѣтъ здѣсь мѣста отечески-теплой, дружеской бесѣды, слову утѣшенія и живого участія въ народной жизни во всѣхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ. Вы увидите здѣсь все что только мыслится нами въ понятіи „официальность“, а именно: сухость, холодность, безучастіе и т. под. Явленіе въ высокой степени грустное, и стоитъ надъ нимъ серьезно призадуматься. Вѣдь, въ такихъ случаяхъ эти, исполненные глубокаго смысла, названія пастыря „батюшка“, „отецъ духовный“ превращаются въ устахъ народа въ одни пустые звуки, мертвые слова, такъ что, говоря вообще, нравственной связи между пастыремъ и его паствою почти не существуетъ. Крестьянинъ идетъ къ духовному отцу, но онъ сердцемъ чувствуетъ, что этотъ духовный отецъ не совсѣмъ ему отецъ: ему, вѣдь, онъ не осмѣлится раскрыть на дому свою душу, съ нимъ, вѣдь, онъ не можетъ поговорить

тепло, по-сыновни, такъ какъ это не принято и, пожалуй, будетъ дерзостью съ его стороны: онъ, вѣдь, сѣрый мужичекъ, а кто нынѣ (скажетъ онъ въ душѣ) отнесется со вниманіемъ къ тому, что сталъ бы онъ говорить. Онъ всегда чувствуетъ въ присутствіи такого пастыря свою приниженность, свое ничтожество, оставшееся у него, можетъ быть, еще со времени панщины (крѣпостнаго права). Припоминаю себѣ такой фактъ изъ личнаго опыта. Когда я прибылъ въ свой приходъ, то пользуясь существованіемъ здѣсь приходскаго попечительства, сталъ устраивать въ воскресные дни собранія членовъ его для сужденій по нѣкоторымъ вопросамъ, подлежащимъ вѣдѣнію приходскихъ попечительствъ; когда члены попечительства явились первый разъ, то на приглашеніе садиться, они переглянувшись между собою, отвѣтили мнѣ однимъ вопросительнымъ, недоумѣвающимъ взглядомъ; только заявленіемъ, что если они не сядутъ, то и я буду стоять на ногахъ, удалось убѣдить ихъ присѣсть и безъ стѣсненій высказываться по вопросамъ перваго ихъ собранія. На лицахъ ихъ было написано удивленіе по поводу приглашенія къ сидѣнію, и они, эти лица, такъ, казалось и говорили: „дѣло батюшки сидѣть, а наше—въ присутствіи его стоять“. Когда же они вокругъ меня сѣли и мало по-малу разговорились, то и самимъ имъ показалось, что такъ и должно быть, но такъ не бываетъ.

Совершенно справедливо указывано было въ одномъ изъ духовныхъ нашихъ журналовъ какимъ-то свѣтскимъ лицомъ, что никто нынѣ съ крестьянствомъ не находится въ живомъ взаимнообщеніи, что узы нравственнаго единенія съ народомъ какъ высшей, такъ и средней провинціальной интеллигенціи жестоко порваны. Полное разобщеніе интеллигенціи съ народомъ—это фактъ, во всю величину стоящій предъ нашими глазами. Печальнымъ, но краснорѣчивымъ подтвержденіемъ сему факту служить то недовѣріе и та подозрительность, какія сплошь и рядомъ встрѣтите вы въ простомъ народѣ въ равной степени и къ чиновнику и къ священнику; сами интеллигенты посѣяли и еще сѣютъ въ народѣ это недовѣріе и подозрительность къ себѣ, и вотъ приходится пожинать горькіе плоды. А у крестьянина, вѣдь, это получается естественно и

просто: какъ можетъ онъ отдаться, довѣриться интеллигенціи, въ томъ числѣ и священнику, если онъ ясно въ простотѣ своей видитъ полное отсутствіе живой связи между нимъ и ею, какое-то отчужденіе отъ него, а что еще хуже, видитъ иногда полное презрѣніе къ себѣ и неуваженіе даже къ своему человѣческому достоинству. При нынѣшнемъ печальномъ положеніи дѣлъ въ отношеніяхъ руководящихъ лицъ къ крестьянству, послѣднее намъ представляется, если не вполне, то хоть отчасти, въ положеніи того школьника или солдата, которые за всякую дурную проделку подвергаются всякій разъ строжайшему дисциплинарному взысканію, которое способно вселить только страхъ, но не исправить, тогда какъ для исправленія ихъ вполне достаточно добраго слова и дружески-теплаго обращенія съ ними начальниковъ или наставниковъ; и выходитъ, что причиной ихъ испорченности и несправимости являются не сами они, а неумѣлое и ненадлежащее примѣненіе къ нимъ дисциплины. Такъ и у насъ по отношенію къ крестьянамъ: вмѣсто того, чтобы стать на болѣе вѣрный путь сердечныхъ, дружески-теплыхъ отношеній къ нимъ, мы, что всего грустнѣе, въ этомъ недоувѣріи къ себѣ народа, въ этой его подозрительности къ намъ никакъ не хотимъ винить себя, а смѣло разсыпаемъ громы и молніи на тотъ же народъ, на его невѣжество и умственную тупость. Попробуйте перемѣнить тактъ, заговорите съ народомъ дружески-любовнымъ языкомъ, покажите ему на дѣлѣ, что вы его отцы и доброжелатели, что въ немъ вы видите и уважаете такихъ же людей, какъ сами вы, и на вашихъ глазахъ (только не такъ скоро, какъ мы того всегда желаемъ и отъ своей дѣятельности ожидаемъ) совершится чудо: народъ увидитъ вашу сердечность, вашу искренность по отношенію къ нему и повѣритъ вамъ. И, если угодно, въ качествѣ живой иллюстраціи къ нашему сейчасъ высказанному положенію мы представляемъ слѣдующій дѣйствительный фактъ изъ жизни одного священника. „Занимаясь ранней весной въ своемъ садикѣ,—говорилъ однажды намъ въ дружеской бесѣдѣ на тему объ отношеніяхъ пастырей къ пасомымъ о. собратъ,—я пораженъ былъ доходившими до моего слуха всхлипываніями. Очевидно, кто-то плакалъ тамъ, на

улицѣ, на самомъ углу моего храма. Оставилъ работу, я подошелъ къ калиткѣ ограды моей усадьбы и, перегнувшись черезъ калитку, увидѣлъ человѣка, громко и съ плачемъ колѣнопреклоненно молившагося у выступающей изъ стѣны храма иконы святителя Николая. И я сказалъ себѣ въ душѣ, что нельзя же мнѣ, пастырю церкви, невольному свидѣтелю этихъ слезъ и этого, безспорно, горя, не отозваться на нихъ хоть добрымъ словомъ. Прощающа, пока онъ окончитъ свою молитву, я позвалъ его къ себѣ и участливо сталъ спрашивать о его горѣ: благо не было никого, кто бы могъ стѣснить насъ. И онъ открылъ мнѣ свое горе (подозрѣніе его въ кражѣ какого-то имущества, въ чемъ онъ, по признанію, совершенно неповиненъ), о которомъ такъ горячо молился, а я, сколько могъ, постарался утѣшить его. И съ умиленіемъ видѣлъ я,—закончилъ нашъ рассказчикъ,—какъ трижды тотъ крестьянинъ за двадцать слишкомъ верстъ приходилъ въ мой храмъ и трижды же просилъ меня помолиться о немъ. Онъ довѣрился батюшкѣ,—можемъ только добавить отъ себя къ этой иллюстраціи. Почему довѣрился, для всякаго понятно: нельзя не довѣриться. Вотъ предъ нами, въ качествѣ не менѣе яркой иллюстраціи, и годы школьной нашей жизни. Когда оглянешься на нихъ, то всегда увидишь одно и то же, и именно, что лучшія страницы этой жизни принадлежатъ воспоминаніямъ о добрыхъ наставникахъ-отцахъ, сердечно относившихся къ нѣжнымъ дѣтскимъ душамъ, и худшія—воспоминаніямъ о тѣхъ изъ нихъ, кто въ отношеніи насъ зналъ лишь одну холодную, леденящую суровость, недоступную для дѣтскаго сердца начальственную. Я, напримѣръ, живо помню и, кажется, никогда не забуду такого случая изъ моей школьной жизни въ духовномъ училищѣ. По свойственной дѣтямъ шалости, я однажды, взявъ въ руку камешекъ, погнался за двумя-тремя еврейскими мальчиками. Едва только я бросилъ по нимъ камешекъ, какъ изъ переулка предо мной явился, какъ изъ земли выросъ, мой наставникъ. „Стыдно тебѣ, Ваня,—сказалъ онъ, помню какъ сейчасъ,—заниматься такими шалостями; я отъ тебя этого не ожидалъ: ты, вѣдь, хорошій ученикъ, а хорошіе ученики должны быть хорошимъ, а не дурнымъ при-

мѣромъ для худшихъ; иди на квартиру и постарайся впредь ничѣмъ подобнымъ не заниматься“. Онъ не заявилъ даже объ этой шалости инспекціи. И что же? Еще много было для меня случаевъ повторить такую же шалость, но вспоминались тотчасъ мнѣ эти мягкія сердечныя слова и отпадала охота къ дурной выходкѣ. Да, я хорошо помню этотъ случай; за то я не менѣе хорошо помню и тотъ, какъ за слабыя на одномъ урокъ познанія въ одномъ изъ классическихъ языковъ наставникъ мой, разразившись непристойной руганью, въ концѣ концовъ жестоко съѣздилъ меня увѣсистымъ журналомъ по головѣ, отъ чего на ней тотчасъ образовалась порядочная опухоль,—какъ одинъ-два наставника, за шалости и незнаніе уроковъ, постоянно обзывали насъ, дѣтей „дьячками“, да „гачками“, съ легкостью своего педагогическаго такта или вѣрнѣе полнѣйшей безтактности давая тѣмъ же дѣтямъ чувствовать низость ихъ происхожденія и насильно вталкивая въ ихъ маленькія головки ложную мысль о завидной участи въ отношеніи происхожденія дѣтей священническихъ и о томъ, что они, вѣдь, выходятъ, не такія дѣти: тѣ лучше. Нечего и говорить о томъ, что дурной примѣръ наставникѣвъ имѣлъ въ дѣтяхъ достойныхъ подражателей.—Поднимаемся выше, и посмотримъ на нашу уже самостоятельную жизнь. Какъ часто предъявляемъ мы законныя требованія о гуманномъ обращеніи съ нами выше насъ стоящихъ лицъ, и какъ изливаемся въ негодованіяхъ и жалобахъ другъ предъ другомъ, когда въ отношеніяхъ къ намъ этихъ лицъ видимъ и чувствуемъ одну только холодность, начальственность! Отчего же мы такъ заботливы во всѣхъ случаяхъ относительно себя, и ни мало не заботливы относительно простого народа? Отчего сердечность и ласковость или, выражаясь спеціальнымъ терминомъ, гуманность въ обращеніи вездѣ должна имѣть мѣсто, только не относительно простолюдина. Стоитъ объ этомъ погрузить!

(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ записокъ бывшаго преподавателя семинаріи.

(По поводу предоставленнаго новымъ закономъ помощникамъ инспекторовъ въ семинаріяхъ права преподаванія уроковъ).

(Окончаніе).

Но вотъ въ современной педагогической практикѣ наблюдается явленіе, составляющее собою исключеніе изъ только-что выведеннаго и доказаннаго общаго правила: во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, особенно съ среднимъ курсомъ, и въ числѣ этихъ послѣднихъ преимущественно въ нашихъ духовныхъ семинаріяхъ, существуетъ цѣлый персоналъ специально-воспитателей, которымъ даже уставомъ воспрещалось, до изданія новаго закона 26 мая—20 іюня сего 1903 г., быть преподавателями,—и не только въ стѣнахъ того же учебнаго заведенія, гдѣ они титулуются специальнымъ именемъ надзирателей и помощниковъ инспектора, но даже и внѣ онаго, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ имъ воспрещается не только преподавательская дѣятельность, но и всякая вообще педагогическая. Спрашивается, законно ли это явленіе со стороны своей правомѣрности? Не является ли это исключеніе изъ общаго правила неправильнымъ, основаннымъ на недоразумѣніи?—Поистинѣ такъ и вотъ почему.

Не повторяя здѣсь всего сказаннаго о принципиальной сторонѣ дѣла—о необходимости, а слѣдов., и законности каждому воспитателю быть вмѣстѣ и преподавателемъ, обратимъ свое вниманіе на детальную сторону дѣла и, на основаніи, между прочимъ, фактическихъ данныхъ, покажемъ, съ одной стороны, всю несостоятельность подобнаго отчужденія отъ воспитателей преподавательскихъ правъ и обязанностей, а съ другой,—противопоставимъ доводамъ за это отчужденіе доказательства противъ него и въ пользу необходимости для воспитателей, въ частности для помощниковъ инспекторовъ въ семинаріяхъ, быть вмѣстѣ и преподавателями.—И прежде всего такое недозволеніе воспитателямъ быть вмѣстѣ и преподавателями приноситъ и приносило существенный вредъ собственному ихъ дѣлу—воспитанія, о которомъ, какъ все заставляетъ думать, всего больше и заботились,

напр., уставы духовныхъ семинарій 1867 и 1884 г.г. Спросите любого изъ помощниковъ инспекторовъ, обладаетъ ли онъ должнымъ *авторитетомъ* среди своихъ питомцевъ въ семинаріи, — тѣмъ авторитетомъ, безъ котораго не мыслимо никакое воспитаніе, безъ котораго воспитатель то же, что и облако безводное, мѣдь звѣнящая и кимваль бряцающій и которымъ всегда, въ той или иной степени, владѣть его сотрудникъ—преподаватель? Никто изъ спеціально-воспитателей съ чистою совѣстью не отвѣтитъ утвердительно на этотъ вопросъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, что за авторитетная личность—помощникъ инспектора, когда его питомцы,—какъ бы онъ ни былъ съ ними ласковъ и обходителенъ, добръ и свисходителенъ въ своихъ отношеніяхъ и требованіяхъ, но въ то же время исполнительнъ,—обзываютъ его въ глаза *custus-омъ*, *sub-икомъ*, а въ своихъ дневникахъ ставятъ его мишенью всѣхъ своихъ самыхъ злыхъ насмѣшекъ? И это явленіе—не случайное, зависящее отъ личности помощника инспектора, а всеобщее и даже, можно сказать, необходимое при данной обстановкѣ и условіяхъ его дѣятельности: не въ одной какой-либо семинаріи такъ дѣлается и не съ однимъ какимъ-либо помощникомъ инспектора такъ продѣлываютъ наши воспитанники, а во всѣхъ семинаріяхъ и со всѣми „помощниками“, только, конечно, въ различной степени и мѣрѣ, опредѣляемыхъ личностію даннаго „помощника“. Въ послѣдней совершенно справедливо искать и находить умѣряющаго въ данномъ случаѣ начала въ примѣненіи лишь къ отдѣльнымъ лицамъ, но говорить то же самое о цѣломъ институтѣ воспитателей едвали основательно. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, въ числѣ лицъ, составляющихъ собою контингентъ этого института, со времени его учрежденія и до сего дня, не было ни одного достойнаго этого высокаго и святаго имени воспитателя?—Несомнѣнно были, есть и будутъ такія высокія личности среди воспитателей въ семинаріяхъ, но еще болѣе того несомнѣнно, что даже и они,—и въ прошедшемъ, и въ настоящемъ, и въ будущемъ,—не свободны отъ тѣхъ самыхъ прозвищъ и нерасположенія къ нимъ воспитанниковъ, коими отъ послѣднихъ они снабждаются и неизмѣнно пользуются. Ясно, что

послѣдняя причина этого явленія—не въ личностяхъ помощниковъ инспекторовъ, а въ самомъ строѣ тѣхъ учебно-воспитательныхъ заведеній, уставы коихъ создали эту самую личность, такъ сказать, „чистаго“ воспитателя. Причина разсматриваемаго явленія кроется именно въ лишеніи его права на совмѣстное съ воспитаніемъ преподаваніе, обученіе своихъ питомцевъ. Это лишеніе права преподавать дѣлаетъ, въ глазахъ зоркихъ воспитанниковъ, ихъ воспитателя „чистаго“ личностію не равноправною съ ихъ преподавателемъ,—личностію ущербленной, которая уполномочена только на *одно* въ обще-педагогическомъ дѣлѣ и не имѣетъ права дѣлать *другого* въ немъ, которой, слѣдов., недостаетъ чего-то по сравненію съ преподавателемъ, помимо своего прямого дѣла—рѣшающимъ судьбы воспитанниковъ не по успѣхамъ только, но и по поведенію, и которая, такимъ образомъ, является въ глазахъ воспитанниковъ „недостаточною“, несовершенною. И вотъ авторитетъ воспитателя въ сравненіи съ преподавателемъ униженъ, умаленъ,—вмѣсто того, чтобы быть подобающе возвеличеннымъ. То обстоятельство, что такой выводъ-сужденіе воспитанниковъ о лицѣ и правахъ своего воспитателя не есть узаконенный и, какъ такой, достоинъ всякаго опроверженія, нисколько не спасаетъ дѣла. Въ чемъ должно состоять это опроверженіе? Конечно не въ однихъ словахъ, а въ самъ мъ дѣлѣ: въ предоставленіи „воспитателямъ“ права быть вмѣстѣ и „преподавателями“ и при томъ въ стѣнахъ тѣхъ же самыхъ заведеній, гдѣ они отправляютъ функціи первыхъ, ибо въ подобнаго рода принципиальныхъ вопросахъ сила убѣждающихъ доводовъ принадлежитъ не ораторскому краснорѣчію, а молчаливымъ фактамъ живой дѣйствительности. Только въ такомъ случаѣ будетъ основаніе ожидать, что и въ глазахъ воспитанниковъ поднимется авторитетъ ихъ воспитателей и послѣдніе со-временемъ станутъ равноправными съ преподавателями членами семинарскихъ корпорацій, а ихъ своеобразная замкнутость и изолированность въ этихъ корпораціяхъ,—по-нынѣ дѣлавшая изъ нихъ „четвертое“ сословіе въ учебно-воспитательныхъ заведеніяхъ,—понекому отойдетъ въ область „преданій старины глубокой“. Итакъ, повторяемъ, лишеніе права

преподавать влечетъ за собою, для „чистыхъ“ воспитателей, потерю, или, точнѣ говоря, невозможность приобрѣтенія —авторитета въ глазахъ воспитанниковъ.

Да и не предъ воспитанниками только волей-неволей приходилось быть приниженными нашимъ безправнымъ помощникамъ инспекторовъ: и въ отношеніи другихъ—преподавателей и начальствующихъ въ семинаріи лицъ они, по такому своему положенію, являлись въ большинствѣ случаевъ далеко неавторитетными. Правда, что въ этомъ послѣднемъ отношеніи вина приниженности однихъ предъ другими падаетъ не столько на безправность въ разсужденіи преподаванія первыхъ, сколько на неправильность сужденій и дѣйствованія вторыхъ, не могущихъ возвыситься надъ ходячими мнѣніями и взглядами; но нельзя не замѣтить, что униженіе авторитета „чистыхъ“ воспитателей въ корпораціи, къ которой они принадлежатъ и по образованію, и по службѣ, есть необходимое слѣдствіе ихъ безавторитетности предъ воспитанниками и, заключительно, лишенія ихъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ, чего они и заслужить еще не успѣли предъ своимъ начальствомъ.

Если же мы посчитаемъ за фактъ неавторитетность „чистыхъ“ воспитателей, въ томъ числѣ и помощниковъ инспекторовъ въ семинаріяхъ нашихъ, какими, по самой идеѣ, они были до настоящаго времени; то спрашивается, что это за воспитатель безъ авторитета? Вѣдь намъ съ юныхъ лѣтъ сама жизнь показывала и мы признаемъ за догматъ педагогики, что воспитателю, чтобы быть воспитателемъ не по имени только, но и на самомъ дѣлѣ, необходимо обладать авторитетомъ, потому что только и единственно въ немъ та всеокрушающая сила воспитанія, которая рѣшительнымъ образомъ, но безъ внѣшняго насилія заставляеть воспитанниковъ слѣдовать образцовой дѣятельности своего воспитателя и исполнять всѣ его распоряженія и требованія, къ нимъ обращенныя. Извѣстно также и то, что никакая власть, какую бы кто ни былъ облеченъ, входя составнымъ элементомъ въ понятіе авторитета, не составляетъ всего, что мы называемъ авторитетомъ и потому не можетъ замѣнить его: какъ власть—она есть

нѣчто внѣшнее по отношенію къ тому, кто ею обладаетъ; между тѣмъ какъ авторитетъ основывается на свободномъ признаніи одними внутренняго превосходства предъ ними другихъ. Слѣдовательно, нечего и говорить о поддержаніи расшатаннаго авторитета одними прерогативами власти. Воспитатель безъ авторитета. Какъ-то странно звучитъ самая эта фраза. Кажется, скорѣе солдатъ безъ ружья сдѣлаетъ свое дѣло, чѣмъ воспитатель безъ авторитета—свое. И дѣйствительно, отвращеніе учениковъ, по выходѣ изъ воспитаннаго ихъ заведенія, а иногда и въ его стѣнахъ, отъ всего, что напоминаетъ выдержку и дисциплину, неуваженіе къ требованіямъ законности, обманъ, ложь и клевета—вотъ результаты воспитанія подъ фѣрулою безавторитетнаго воспитателя и подъ его водительствомъ полученнаго,—результаты, нужно замѣтить, печальные, но вполне естественные, потому что воспитанники, не поддаваясь вліянію такого своего воспитателя и не воспринимая отъ него ничего здороваго и добраго, естественное дѣло, поддаются подъ вліяніе непризванныхъ воспитателей, которыми такъ богата, къ несчастію, окружающая ихъ среда, но отъ которыхъ отвернулись Богъ и добрые люди. Развращеніе ума, искаженіе воли и испорченность сердца—вотъ къ чему ведетъ воспитаніе, въ которомъ отсутствующій авторитетъ профессиональнаго педагога волею судебъ замѣняется вліяніемъ самозванныхъ „развивателей“ юношества.—Итакъ, лишеніе воспитателей права преподавать, отнимающее у нихъ, по крайней мѣрѣ, фактически возможность авторитетно властвовать надъ воспитываемыми, наноситъ ударъ и при томъ въ самое сердце дѣлу самаго воспитанія; слѣдов., это обстоятельство приводитъ къ послѣдствіямъ какъ-разъ противоположнымъ тѣмъ радужнымъ мечтаніямъ, какія связываются съ идеею „чистаго“ воспитателя, не обремененнаго преподаваніемъ уроковъ,—наноситъ ущербъ тому самому дѣлу, на сугубый успѣхъ котораго оно, по-видимому, рассчитано въ своемъ приложеніи въ нашихъ духовныхъ семинаріяхъ.

Не менѣе отвѣтственно это обстоятельство и за то безвыходное положеніе, какое оно создало и до настоящаго времени искусственно поддерживало въ отношеніи младшихъ членовъ инспек-

торскаго надзора. Съ грустью на сердцѣ и съ прискорбіемъ въ душѣ всякій помощникъ инспектора долженъ сознаться, что его „чистая“ воспитательная дѣятельность играетъ въ механизмѣ воспитанія роль пятого колеса въ телегѣ. Чтобы не быть голословными въ этомъ своемъ приговорѣ, быть можетъ, надъ лицами, по прекраснымъ качествамъ своего ума и характера, не заслуживающими его, сошлемся въ подтвержденіе на то, въ общихъ чертахъ выше намѣченное, соображеніе, что воспитывающей, на основахъ изоляціи воспитанія отъ обученія, по необходимости замыкается въ кругѣ дѣятельности—работы надъ формою,—работы, которая совершается ради этой самой формы, потому что такой воспитатель существуетъ только для воспитанія, которое есть не что иное, какъ формированіе. Но работать надъ формою ради этой самой формы, въ отвлеченіи отъ всякаго содержанія взятой,—дѣло весьма и весьма скучное. Воспользуемся сравненіемъ. Сущность обученія письму состоитъ въ усвоеніи и частомъ воспроизведеніи ученикомъ правильныхъ буквенныхъ формъ; слѣдов., здѣсь ученикъ работаетъ, вмѣстѣ съ своимъ учителемъ, надъ формою и цѣль ихъ совмѣстной здѣсь работы въ этой самой формѣ. Но форма, какъ форма, предметъ чувственного *созерцанія* и ни въ коемъ разѣ сама по себѣ не можемъ служить пищею для *ума*. Вотъ мы и видимъ на урокъ чистописанія мальчика, зѣвajícíаго надъ выведеніемъ правильныхъ буквенныхъ формъ и въ постороннихъ занятіяхъ ищущаго выхода изъ этой скучной работы надъ пустою формою. Такъ точно дѣло обстоитъ и съ „чистыми“ воспитаніемъ и воспитателями: ихъ дѣло знать правильныя формы добраго поведенія учениковъ, предлагать эти формы на каждомъ шагу вниманію послѣднихъ, подобно прописямъ на урокахъ чистописанія и затѣмъ слѣдить за точнымъ выполненіемъ предложеннаго—прописной морали и исправлять погрѣшности и ошибки противъ нея. Духа относящихся сюда частныхъ приемовъ воспитанія, ихъ смысла и значенія часто не видитъ ни та, ни другая сторона, потому что все это скрывается въ формѣ, въ самомъ лучшемъ случаѣ—видимой только воспитателю. Онъ только тогда съ приблизительною

безошибочною можетъ судить о содержаніи этой формы, когда и если, будучи преподавателемъ, познакомится со складомъ мышления, строимъ его у своихъ питомцевъ и преобладающимъ его у нихъ направленіемъ, а до тѣхъ поръ наполняющее правильную форму поведенія его внутреннее содержаніе—terra incognita для чистаго воспитателя. Скучно работать, когда самъ не знаешь, что выйдетъ изъ твоей работы. Эта скука одолеваетъ и мальчугана за урокомъ чистописанія и заставляетъ его искать стороннихъ развлеченій; эта же скука мучительно дѣйствуетъ и на „чистаго“ воспитателя, не имѣющаго права преподавать. Въ самомъ дѣлѣ, чисто внѣшнія функціи въ области воспитательной дисциплины, составляющія исключительную и спеціальную принадлежность помощниковъ инспекторовъ, никогда не могутъ составить всего содержанія ихъ дѣятельности даже просто какъ людей, довлѣющимъ образомъ наполнить ихъ собственную жизнь какъ воспитателей и использовать досугъ ввѣренныхъ имъ водителству питомцевъ. Педагогъ *только*: утромъ, вмѣстѣ съ колокольчикомъ, лишающій воспитанниковъ пріятной имъ нѣги побыть подолше подъ теплымъ одѣяломъ, торопящій ихъ скорѣе одѣваться, идти на молитву и затѣмъ въ столовую на чай,—въ теченіе уроковъ марширующій по корридорамъ для наблюденія за порядкомъ и тишиной, или замѣняющій отсутствующаго преподавателя и развлекающій воспитанниковъ разнаго рода сказаніями и чтеніемъ, ничего общаго съ преподаваніемъ не имѣющими,—вечеромъ являющійся, опять вмѣстѣ съ колокольчикомъ, на „провѣрку“, всѣ ли дома и нѣтъ ли сбѣжавшихъ въ театръ или еще куда и здѣсь же нотующій въ кондуитѣ проступки учениковъ и заключительно укладывающій ихъ въ постели съ приказаніемъ имъ спать безмятежнымъ сномъ праведниковъ,—такой педагогъ, подобно пишущему съ прописи школяру, во что бы то ни стало самъ ищетъ стороннихъ его дѣлу занятій. Вся разница между ними въ томъ только и состоитъ, что школьникъ не особенно *сознаетъ* свое неловкое положеніе и подчасъ бываетъ даже радъ наступленію времени урока чистописанія, какъ повода облить своего сосѣда чернилами; а воспитатель какъ человѣкъ зрѣлый и солидный, ясно сознаетъ всю тя-

жесть, весь гнетъ своего положенія и ищетъ выхода изъ него болѣе солиднаго, находя таковой неизмѣнно въ перемѣщеніи на должность преподавателя при первой къ тому представившейся возможности,—какъ объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ и страницы „Церковныхъ Вѣдомостей“ съ приказами о такихъ перемѣщеніяхъ.

Не касаясь другихъ основаній этой мысли и считая для своей цѣли достаточными и приведенныя, перейдемъ къ разсмотрѣнію тѣхъ мотивовъ, которые въ свое время побудили совершенно отдѣлить воспитаніе отъ преподаванія установленіемъ „чистыхъ“ воспитателей въ лицѣ помощниковъ инспекторовъ, и посмотримъ, насколько основательны эти мотивы. Нѣтъ нужды доказывать ссылками на документы, что единственнымъ, на первый взглядъ солиднымъ, мотивомъ къ этому послужилъ и служить принципъ раздѣленія труда, какъ первое условіе благотворности и успѣшности всякой дѣятельности. Правда, выдѣленіе изъ дѣятельности всего съ существомъ ея не связаннаго и, чрезъ доведеніе ея до элементарной простоты и несложности, облѣгченіе оной для исполнителей—важное условіе ея успѣшности и жизненно-практическаго значенія. Но вѣдь само собою понятно, что это *раздѣленіе* труда на *части* ни въ коемъ разѣ не должно быть *разсѣченіемъ* его на *куски*: выдѣленіе изъ данной дѣятельности можетъ и *должно* простирается только на тѣ ея функціи, которыя не связаны существенно и органически съ самымъ центромъ этой дѣятельности и выполненіе которыхъ, безъ нужды обременяя собою исполнителей, отнимаетъ у нихъ дорогое время на производство существенныхъ продуктовъ ихъ спеціальности. Напр., нѣкоторые изъ преподавателей состоятъ въ то же время и приходскими священниками и секретарями правленій въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Здѣсь, очевидно, изъ круга дѣятельности такихъ лицъ можно было бы не безъ пользы для дѣла выдѣлить вторыя ихъ обязанности, вовсе не вытекающія изъ ихъ первыхъ обязанностей и только безъ нужды осложняющія ихъ дѣятельность чѣмъ-то такимъ, что, какъ дѣятельность ихъ рукъ, не только не приноситъ пользы ихъ воспитательному дѣлу, нисколько ему не способствуетъ, но нао-

бороть—приносить ему вредъ чрезъ отвлеченіе преподавателя—воспитателя отъ прямыхъ и существенныхъ обязанностей этого его званія. Вотъ здѣсь умѣстно и совершенно необходимо неуклонное слѣдованіе принципу раздѣленія труда, потому-что здѣсь выдѣленіе простирается на такую функцію дѣятельности даннаго дѣятеля, которая, бывъ соединена въ немъ съ прямыми его обязанностями только по категоріи *времени*, а не *средства* по условіямъ обнаруженія своего, препятствующимъ образомъ относится къ этимъ его обязанностямъ.—Примѣненіе того же принципа раздѣленія труда *полезно* еще и въ томъ случаѣ, когда дѣятельность со всеми ея деталями слишкомъ многосложна и когда эти детали одной и той же дѣятельности хотя и родственны между собою и въ отношеніи къ общему дѣлу, коего они суть детали, насколько оно не мыслимо въ своемъ осуществленіи безъ нихъ, однакоже одному лицу трудно справиться со всею этою многосложною работою и для успѣха ея *полезно* выдѣлить изъ общей массы потребнаго труда второстепенныя его части и передать ихъ въ ближайшее вѣдѣніе другому или даже нѣсколькимъ другимъ лицамъ. Такъ, напр., обязанности инспектора слишкомъ многосложны, а потому ничто не должно мѣшать—дать ему помощниковъ, но во всемъ ему подобныхъ; онъ преподаетъ, и они должны преподавать, при чемъ имъ, какъ преподавателямъ, помогающимъ при этомъ ему, какъ инспектору, можетъ быть предоставлена исполнительная власть изъ всей суммы обязанностей его, какъ инспектора.—Принципъ раздѣленія труда *возможенъ* въ своемъ примѣненіи и въ томъ случаѣ, когда дѣятельность явнымъ образомъ распадается на двѣ хотя и одинаковыя части, но имѣющія свой объединительный центръ внѣ себя, въ третьей высшей функціи, и это потому, что въ такомъ случаѣ ихъ исполнители, являясь независимыми другъ отъ друга, въ то же время согласно осуществляютъ высшую объединяющую ихъ дѣятельность, какъ исчерпывающія родъ виды его. Такъ, напр., дѣятельность преподавателя въ существѣ своемъ одна и та же, будетъ ли служить предметомъ преподаванія психологія, логика, философія или педагогика. Но еслибы было установлено, что одному

лицу трудно совладать съ четырьмя значительной важности предметами, то *можно* трудъ ихъ преподаванія раздѣлить между тремя или двумя отдѣльными наставниками въ полной увѣренности, что подъ руководствомъ одного дѣльнаго начальника—педагога они дружно устремятся къ существенной одной и той же цѣли въ преподаваніи этихъ предметовъ.—Наконецъ, необходимость примѣненія начала раздѣленія труда можетъ вызываться еще физической неизбѣжностію, когда неразчленимая сама въ себѣ дѣятельность, въ силу особыхъ условій, имѣетъ особенно большой спросъ со стороны ли то потребителей продуктовъ этой дѣятельности, или со стороны лицъ, для которыхъ усиленіе контингента ея дѣятелей почему бы то ни было признается полезнымъ. Напр., нѣтъ ничего естественнѣе, какъ преподавать одинъ и тотъ же предметъ, во всѣхъ классахъ, одному наставнику,—предметъ этотъ, допустимъ, греческій языкъ. Но такъ какъ одинъ преподаватель не можетъ имѣть 48 часовыхъ уроковъ въ недѣлю при данномъ строѣ учебнаго заведенія, то, вмѣсто одного классика—грека, *неизбѣжно* имѣть въ составѣ всей корпораціи въ 15 преподавателей трехъ поклонниковъ Гомера и между ними раздѣлить данное количество уроковъ ихъ прославленной и возвеличенной спеціальности.—Вотъ всѣ тѣ случаи, когда примѣнимъ принципъ раздѣленія труда. Посмотримъ же теперь, подъ какой изъ нихъ подходитъ раздѣленіе обязанностей воспитателя и преподавателя. Собственно и смотрѣть не стоитъ, потому-что въ данномъ явленіи, при такой постановкѣ нашего „судебнаго“ съ нимъ процесса, оно оказывается не имѣющимъ для себя рѣшительно никакихъ основаній, чтобы быть явленіемъ правомѣрнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, подходитъ ли оно подъ категорію первыхъ случаевъ, гдѣ *необходимо* раздѣлять трудъ по самому существу его, какъ рознородный? Нѣтъ, потому-что воспитаніе и обученіе, напр., въ дух. семинаріяхъ нѣсколько сроднѣ другъ другу, чѣмъ дѣятельность педагога и секретаря семинарскаго Правленія со „справками“ и „номерама“ входящихъ и исходящихъ бумагъ, даже сроднѣ дѣятельности священника, *de facto* нисколько не управляющаго приходомъ, а лишь совершающаго богослуженіе въ

церкви и требы по домам прихожанъ.—Можетъ быть изоляція воспитанія отъ обученія подходитъ подъ вторую категорію случаевъ, гдѣ *полезно* раздѣленіе труда?—Всего менѣе, потому-что обученіе—не *детальная сторона* всей суммы труда воспитателя, а есть *существенная часть* воспитанія, безъ которой оно не мыслимо и отдѣлять которую отъ него—дѣло неудобное.—Не подойдетъ ли это явленіе подъ третью группу случаевъ, гдѣ *можно* раздѣлять трудъ?—Повидимому „да“, но при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла—совершенно „нѣтъ“. Воспитаніе и обученіе, въ ихъ взаимномъ отношеніи далеко не подобны преподаванію педагогики и психологіи, логики и философіи въ ихъ взаимномъ отношеніи, ибо обученіе вообще подчинено, по самому понятію, воспитанію; а обученіе, напр., математикѣ не подчинено Закону Божію; преподаваніе всѣхъ предметовъ централизуется въ понятіи „обученія“, а относительно воспитанія и обученія нельзя сказать, чтобы они, какъ виды, входили въ составъ одного рода; нѣтъ, здѣсь обученіе централизуется въ воспитаніи: послѣднее—родъ, а первое—видъ его на ряду съ другими—нравственнымъ и эстетическимъ воспитаніемъ. Въ равной мѣрѣ нельзя разсматриваемое явленіе подвести и подъ категорію четвертаго рода случаевъ, гдѣ раздѣленіе труда физически *неизбѣжно*. Если воспитателю физически невозможно быть въ то же время и преподавателемъ, то справедливо будетъ и обратное положеніе, т. е., что преподавателю физически невозможно быть воспитателемъ. Но это—неправда: всякій преподаватель есть вмѣстѣ и воспитатель. И странно, инспекторъ, заправляющее всѣмъ дѣломъ воспитанія лицо, не нуждается въ раздѣленіи его труда какъ воспитателя и какъ преподавателя, а его помощникъ, чаще только съ исполнительными функціями въ дѣлѣ воспитанія, нуждается въ отдѣленіи и въ обособленіи этой дѣятельности своей отъ дѣла преподаванія; инспектору оно не мѣшаетъ, а помощнику инспектора стоитъ поперекъ дороги. Это явленіе по меньшей мѣрѣ не вызывается принципомъ раздѣленія труда, а по большей—служитъ недвусмысленнымъ указаніемъ на ненормальность отчужденія отъ воспитателей существенной части воспитанія—права преподаванія.

Итакъ, видимъ, что единственно на первый взглядъ солидное основаніе къ устраненію помощниковъ инспекторовъ отъ преподаванія при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла оказывается не выдерживающимъ критики. Нечего уже и говорить о болѣе мелкихъ мотивахъ и побужденіяхъ къ отжившему свой вѣкъ узаконенію этого устраненія: ихъ вѣсь и значеніе падаютъ сами собою за неимѣніемъ прочнаго основанія въ принципѣ, и только предвидя нѣкоторыя возраженія противъ нашихъ доводовъ, мы естественно не можемъ, хотя коротко, не опровергнуть таковыхъ тутъ же. Намъ могутъ замѣтить, что отстаиваемое нами положеніе, въ одномъ изъ своихъ аргументовъ является противорѣчащимъ тому нашему же убѣжденію, что воспитаніе не можетъ и не должно быть сводимо всецѣло на обученіе; если это такъ, то почему же возможно утверждать, что въ существѣ дѣла воспитаніе—то же обученіе и что поэтому-то первое не можетъ обойтись безъ втораго? Не равносильно ли это будетъ утверженію, что обученіе-то собственно и есть воспитаніе и что послѣднее всегда и вездѣ можетъ и должно быть достигаемо только чрезъ обученіе? Но никакого противорѣчія здѣсь нѣтъ, ибо здѣсь нѣтъ никакого сведенія воспитанія на обученіе. Дѣло въ томъ, что когда мы говорили о воспитаніи, что оно и внѣ умственнаго развитія необходимо имѣеть дѣло съ обученіемъ, насколько всякая воспитательная мѣра, прежде чѣмъ оказаться дѣйственной въ области воли, должна быть воспринята умомъ въ формѣ познанія; то обученіе здѣсь мы, естественное дѣло, понимали въ смыслѣ самомъ широкомъ, а не въ тѣсномъ, спеціально-дидактическомъ его значеніи. По широкому же смыслу понятіе обученія обозначаетъ собою передачу и воспріятіе—усвоеніе всякаго рода свѣдѣній, какой бы области познаваемаго они ни касались, между тѣмъ какъ во второмъ своемъ значеніи, въ тѣсномъ смыслѣ слова, обученіе обозначаетъ сообщеніе знаній только извѣстнаго рода—касающихся области научной. Соответственно съ этимъ воспитаніе мы называли обученіемъ не въ томъ смыслѣ, что оно сообщаетъ *научныя истины*, а въ томъ, что и этотъ процессъ въ концѣ концовъ имѣеть *форму* передачи свѣдѣній, а съ этой точки зрѣнія

дѣйствительно нужно сказать, что воспитаніе не можетъ обойтись безъ обученія, потому-что форма сообщенія знаній тамъ и здѣсь одна и та же,—различіе только въ качествѣ и цѣнности сообщаемыхъ свѣдѣній, а не въ самомъ процессѣ сообщенія. При воспитывающемъ обученіи на первомъ планѣ стоятъ самыя знанія и ихъ дѣйствіе на умъ; а при обучающемъ воспитаніи на первомъ планѣ не самыя знанія и ихъ дѣйствіе на умъ, а собственно тотъ результатъ, какой сказывается въ поведеніи воспитанниковъ. При обученіи въ дидактическомъ значеніи этого слова послѣднее вовсе не имѣется въ виду, а если когда и имѣется, то какъ нѣчто не главное, а второстепенное, подобно тому какъ, наоборотъ, при воспитаніи сообщаемыя знанія занимаютъ не главное мѣсто, а второстепенное. Ясно, что съ этой стороны дѣла въ разсматриваемомъ аргументѣ нѣтъ и намекъ на сведеніе воспитанія на обученіе въ томъ смыслѣ, въ какомъ трактуютъ объ этомъ приверженцы исключительно дидактическаго воспитанія, оставляющіе во всей педагогикѣ и видящіе въ ней только одну дидактику. При такомъ пониманіи дѣла, нѣтъ никакого противорѣчія между означенною аргументаціею необходимости совмѣщенія дѣятельностей воспитанія и обученія въ одномъ лицѣ и утвержденіемъ, что къ послѣднему не должна быть сводима вся сумма воспитательнаго вліянія.

Согласно предположенному нами способу всесторонняго доказательства основной нашей мысли, намъ остается, въ заключеніе, противопоставить доводамъ въ пользу отчужденія преподавательскаго права отъ воспитателей доказательству за предоставленіе имъ этого, принадлежащаго имъ *de jure*, права и съ фактической стороны дѣла. Несомнѣнно, что преподаваніе есть неотъемлемое право воспитателей и *de jure*—въ этомъ нѣтъ ничего несообразнаго. Но бываютъ случаи, когда не видится никакой необходимости *осуществлять* извѣстное право, а тѣмъ болѣе узаконять мыслимое въ немъ содержаніе какъ *обязанность* и въ такихъ случаяхъ неосуществленіе права чрезъ вмѣненіе его содержанія въ обязанность окупается тѣми практическими результатами, которыхъ, пожалуй, въ противномъ случаѣ не получилось бы.

Такъ точно и въ нашемъ дѣлѣ: de facto можно ли разсчитывать на достиженіе тѣхъ выгодъ, какія, само собою разумѣется, ожидаются отъ совмѣщенія въ лицѣ воспитателя и преподавательскихъ обязанностей? А ожидается отъ реорганизаціи института „чистыхъ“ воспитателей, чрезъ усвоеніе имъ права преподаванія, то чего имъ недостаетъ и доставало при доселѣ дѣйствовавшихъ порядкахъ старой организаціи, т. е., возстановленіе ихъ авторитета, а чрезъ него—желательное улучшеніе всего воспитательнаго дѣла—въ частности въ нашихъ духовныхъ семинаріяхъ. А что дѣйствительно отъ предоставленія воспитателямъ, въ лицѣ помощниковъ инспекторовъ, права преподаванія въ тѣхъ же учебно-воспитательныхъ заведеніяхъ возвысится ихъ авторитетъ, въ этомъ убѣждаютъ насъ не только всѣ вышензложенныя сюда относящіяся теоретическія соображенія, но и фактическія данныя живой дѣйствительности. На нашихъ глазахъ въ одной изъ семинарій рядомъ съ помощниками инспектора въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ функционировали въ томъ же дѣлѣ надзиратели изъ преподавателей, институтъ коихъ возникъ въ помощь той же инспекціи. И что же показала практика этихъ лѣтъ?—Надзиратели изъ преподавателей пользовались и въ чисто воспитательномъ дѣлѣ большимъ у воспитанниковъ авторитетомъ, чѣмъ „чистые“ ихъ воспитатели-помощники инспектора, и этотъ фактъ засвидѣтельствованъ, въ его достовѣрности, на нашихъ же глазахъ, въ официальномъ документѣ со стороны Учебнаго при Св. Синодѣ Комитета—въ подлежащемъ журналѣ его о послѣдствіяхъ ревизіи этой семинаріи. Не говоря о глубочайшихъ основаніяхъ этого факта, мы отмѣчаемъ его именно какъ фактическое доказательство той мысли, что авторитетъ воспитателей непремѣнно возвысится отъ дарованнаго нынѣ помощникамъ инспекторовъ права преподаванія. А вмѣстѣ съ авторитетомъ, этой мощной силой въ педагогическомъ дѣлѣ, получивъ болѣе животворныхъ соковъ, улучшится и самое это дѣло. Тогда поведеніе и успѣхи учениковъ, какъ дѣло однихъ и тѣхъ же преподавателей,—ибо реформированный по новому закону „помощникъ инспектора“ есть, въ существѣ дѣла, тотъ же „преподаватель“ съ нѣкоторымъ лишь количественнымъ перевѣсомъ

въ немъ воспитательной дѣятельности надъ преподавательскою,— несомнѣнно будутъ между собою въ отношеніяхъ большей солидарности, чѣмъ какъ это наблюдалось до сихъ поръ, когда воспитанники худшіе по успѣхамъ являлись и являются лучшими по поведенію и наоборотъ,—а это важная статья въ воспитательномъ дѣлѣ. Здѣсь источникъ всѣхъ недоброжелательствъ, питаемыхъ къ преподавателямъ и воспитателямъ со стороны учениковъ и къ послѣднимъ первыми,—источникъ бьющій непосредственно изъ почвы „лишенія воспитателей нѣкоторыхъ особыхъ правъ и преимуществъ“, принадлежащихъ имъ по ученымъ степенямъ кандидата и магистра.

Правомѣрность и при томъ съ той же фактической стороны дѣла произведенной нынѣ реформы въ чисто воспитательномъ дѣлѣ нашихъ духовныхъ семинарій открывается и изъ слѣдующихъ явленій учебно-воспитательной практики. Извѣстно, что обучающее воспитаніе и воспитывающее обученіе въ низшихъ, среднихъ и высшихъ заведеніяхъ соединяются не въ одинаковыхъ пропорціяхъ, какъ это и быть должно по существу этихъ трехъ разрядовъ заведеній. Въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, дающихъ своимъ ученикамъ элементарное образованіе, въ процессѣ ихъ работы надъ ученикомъ преобладаетъ обучающее воспитаніе; въ высшихъ, наоборотъ—воспитывающее обученіе; въ среднихъ же, какъ такихъ именно, воспитаніе и образованіе находятся въ равновѣсіи. Въ первыхъ важно не столько сообщаемое количество знаній (почему здѣсь нѣтъ мѣста многопредметности), сколько воспитательное ихъ значеніе для учениковъ; во вторыхъ знанія, какъ знанія, цѣнятся предпочтительно предъ ихъ вліяніемъ на воспитаніе личности; въ среднихъ же заведеніяхъ наблюдается именно равновѣсіе между воспитаніемъ и образованіемъ и перевѣсъ одного здѣсь элемента надъ другимъ былъ бы явленіемъ ненормальнымъ (почему здѣсь значительно больше *предметовъ* преподаванія, чѣмъ въ низшихъ, хотя и не столько сколько *наукъ* преподается въ высшихъ учебн. заведеніяхъ). Ясно, что съ такимъ отличительнымъ характеромъ среднихъ заведеній долженъ сообразоваться и внутренній строй вѣдаемаго ими дѣла

со стороны правъ и обязанностей вѣдающихъ оное. Это значить, что воспитаніе и обученіе здѣсь также должны равномерно распредѣляться между всѣми дѣятелями на нивѣ воспитывающаго обученія и обучающаго воспитанія; слѣдовательно здѣсь не должно быть мѣста воспитателямъ, не имѣющимъ права преподавать, и преподавателямъ, не воспитывающимъ своихъ учениковъ. То и другое здѣсь должно быть одинаково нетерпимо.

„Еще одно сказаніе и лѣтопись окончена моя“. Въ жизни нашихъ среднихъ женскихъ школъ иногда, къ сожалѣнію, наблюдается разладъ между учителями и воспитательницами въ ихъ параллельномъ вліяніи на воспитанницъ. Въ то время какъ послѣднимъ ихъ воспитательницы внушаютъ самыя консервативныя убѣжденія, желанія и чувствованія, учителя иногда не прочь и полиберальничать и въ классѣ, на урокъ, и по части внѣкласснаго чтенія—предлагая для этого „Анну Каренину“ etc. Нечего и говорить, что такой разладъ соотвѣтствующимъ ему образомъ отражается на воспитанницахъ и что посѣянное здѣсь одними добро заглушается плеведами всѣваемаго вторыми зла и сіе послѣднее глумится надъ тѣмъ добромъ. Почему же не наоборотъ? Не потому ли, что „преподаватель“ имѣетъ болѣе воспитательнаго вліянія на личность, чѣмъ „воспитательница“? Едвали мы ошибемся, давъ утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ.—Такъ зачѣмъ же отнимать у „воспитателя“ право „преподаванія“, если въ послѣднемъ такая сила воспитанія? Дѣлать это не только не основательно и бесполезно, но и прямо вредно и опасно.

Добытые нами результаты изысканій по вопросу о неравномѣрности отчужденія отъ воспитателей права преподаванія съ положительной стороны дѣла сводятся такимъ образомъ къ полному и совершенному оправданію произведенной нынѣ, въ примѣненіи къ дѣлу воспитанія въ семинаріяхъ, реформы, прозрѣвавшей въ умахъ нѣкоторыхъ педагоговъ значительно раньше ея осуществленія. Давно пора было „чистыхъ“ воспитателей пересоздать въ „конкретныхъ“, возвративши имъ непослѣдовательно отнимавшееся у нихъ право преподаванія и даже обязавши ихъ ни подъ какимъ предлогомъ не отказываться отъ

этого. А такъ какъ для такихъ „воспитателей-преподавателей“ обязанности по первой половинѣ ихъ дѣятельности должны все-таки преимущественно, въ количественномъ отношеніи, предъ вытекающими изъ второй половины сложнаго цѣлаго ихъ дѣланія, то, очевидно эти лица не должны быть слишкомъ обременяемы дѣломъ преподаванія: вѣдь это послѣднее возвышаетъ ихъ авторитетъ, подобно инспекторскому, не количествомъ своимъ, а качествомъ, самымъ фактомъ права преподаванія и тою внутреннюю цѣнностію, какая можетъ быть свойственна даже 2—3 урокамъ въ недѣлю. Поэтому совершенно вѣрнымъ отсюда выводомъ является требованіе: отводить такимъ воспитателямъ-преподавателямъ въ половину менѣе уроковъ противъ „преподавателей воспитателей“; для этихъ норма уроковъ установлена въ 12 недѣльныхъ, для тѣхъ она не должна превышать 6 недѣльныхъ уроковъ.

Отъ души желаемъ новому нарождающемуся типу „воспитателей-преподавателей“ изъ помощниковъ инспекторовъ сослужить свою службу дѣлу отечественнаго воспитанія юношества, ввѣряемаго имъ на сей конецъ церковію, государствомъ, обществомъ и родителями!

Каедр. протоіерей *Никола Бунинъ.*

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Нужны учитель или учительница на цѣлый годъ для подготовки дѣвочки въ первый классъ епархіальнаго училища и мальчика въ приготовительный классъ духовнаго училища, съ жалованьемъ 10 руб. въ мѣсяць при всемъ готовомъ.

Обращаться къ священнику села Рѣдки Проскуровскаго уѣзда Леонтію Ярошевичу, чрезъ почт. Сатановъ Под. губ.

СКЛАДЪ

„КОНКУРЕНЦІЯ”,

г. Винница Подольской г.

СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ОТДѢЛЪ.

Громадный выборъ запасныхъ частей къ плугамъ, вѣялкамъ, жатвеннымъ машинамъ, приводамъ и друг.

ВѢСЫ, БРЕЗЕНТЫ, КОЖАНЫЕ ПАСЫ,

косы, серпы, бичи, олеонафтъ, колесная мазь, ножи къ соломорѣзкамъ.

ТЕХНИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ.

Англійскіе кожаные и шерстяные пасы, слесарные и токарные инструменты, трещетки, вальцовки и др.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ОТДѢЛЪ.

Громадный выборъ заграничной эмалированной, никелированной и каменной посуды, мороженицъ, столовыхъ, кухонныхъ и чайныхъ приборовъ, бронзовыхъ, фарфоровыхъ издѣлій, ножей, ножииковъ, ножницъ и др.

ВАННЫ и ДУШИ.

Дорожныя, кожаныя вещи, клеенка, дорожки „Линолеумъ“.

Садовыя и рыболовныя принадлежности.

Ружья, револьверы, охотничьи принадлежности.

Электрическія принадлежности Общества „Уніовъ“.

Агентство Страхового Общества „Якорь“.

Цѣны низкія. Каталоги высыл. бесплатно.

Поступили въ продажу слѣдующія книги

Свящ. Серапіона Брояковскаго:

Сборникъ поученій на всѣ воскресные и праздничные дни. Цѣна 1 р., съ пересылкой 1 руб. 25 к.

Спутникъ пастыря. Сборникъ статей и замѣтокъ по вопросамъ пастырскаго служенія. Выпускъ I. Цѣна 80 к., съ пересылкой 1 руб.

За вѣру и противъ лжевѣрія. Сборникъ бесѣдъ, очерковъ, рассказовъ и стихотвореній. Назидательная книга для семьи, школы и виѣбогослужебныхъ собесѣдованій. Цѣна 80 к., съ пересылкой 1 руб.

Очерки и рассказы. Для школъ, народнаго чтенія и войскъ. Цѣна 80 коп., съ пересылкой 1 руб.

Печатается новая, весьма полезная и необходимая для каждаго пастыря настольная книга:

Поученія и рѣчи на разные случаи. Сборникъ, обнимающій собою всѣ случаи пастырской практики и церковно-приходскаго учительства.

Отзывы печати: „Сборн. поученій“ долженъ быть поставленъ въ ряду лучшихъ современныхъ проповѣдей для простыхъ слушателей. Особенность поученій ихъ жизненность и назидательность. Каждое поученіе—слово краткое, живое и дѣйственное. Темы поученій практически современнаго характера. Слогъ легкій, языкъ простой и понятный, изложеніе литературное. „Спутникъ пастыря“ представляетъ собраніе прекрасныхъ, живыхъ и по содержанію и по языку, практическихъ и полезныхъ для пастырской практики статей. Другія книги свящ. Брояковскаго также занимательны, назидательны и поучительны. Поэтому ихъ смѣло можно рекомендовать пастырямъ для чтенія дома, въ храмѣ, при виѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ, а также для библиотекъ церковныхъ, школьныхъ, полковыхъ и народныхъ. (См. „Церк. Вѣд.“ № 41, 1901 г. „Кіев. Епар. Вѣд.“ № 12, 1901 г. и № 2-й 1903 г. „Богослов. Библиограф. Лист.“ Мартъ-Апр. 1901 г. и мн. др. изд.)

Выписывать на наличныя и наложнымъ платежемъ по адресу:

Ст. Попельня, Кіев. губ., свящ. С. Брояковскому.

Въ складѣ Редакціи журнала „Воскресное Чтеніе“ имѣются въ продажѣ слѣдующія книги:

Разсужденія врача о нравств. христ. обязанностяхъ, обращенныя къ своей женѣ, цѣна	1 руб.
Бесѣды о важнѣйшихъ истинахъ христ. прав. церкви противъ сектантовъ—штунистовъ, цѣна	50 к.
Сборникъ статей для внѣбогослужеб. чтеній, цѣна	50 к.
Письма къ сомнѣвающемуся въ вѣрѣ, цѣна	40 к.
Нравственно-поучительные рассказы изъ жизни простаго народа, цѣна	60 к.
Сборникъ статей о важнѣйшихъ христіанскихъ истинахъ для чтенія дѣтей въ школѣ и дома, ц.	15 к.
Катихизическія поученія на символъ вѣры, молитву Господню и 10-ть заповѣдей, цѣна	60 к.
Рассказы изъ исторіи христіанской церкви, цѣна	60 к.
Рассказы изъ исторіи Русской церкви, цѣна	60 к.
Бесѣды на праздники Господни, Богородичныя и великихъ святыхъ, цѣна	50 к.
Внѣбогослужебныя бесѣды сельскаго пастыря къ своимъ пасомымъ на воскресныя евангельскія чтенія. Выпускъ второй (отъ 11-й недѣли до конца года), цѣна	1 р. 20 к.
Препод. Серафимъ Саровской и его духовн. наставленія ц., 5 к.	

Цѣны назначены съ пересылкой.

Адресъ: Кіевъ, въ Редакцію „Воскреснаго Чтенія“. По этому же адресу можно выписывать и самый журналъ „Воскресное Чтеніе“.

Содержаніе: 1) Сельскій пастырь по вопросу о сердечности въ пастырскихъ отношеніяхъ къ пасомымъ и соединенному съ нимъ вопросу о платѣ за требы. Священника *Іоанна Хохановскаго*.—2) Изъ записокъ бывшаго преподавателя семинаріи. (По поводу предоставленнаго новымъ закономъ помощникамъ инспекторовъ въ семинаріяхъ права преподаванія уроковъ). (Окончаніе). Каѳедрального протоіерея *Н. Бунина*.—3) Объявленія.

Редакторъ протоіерей **Евфимій Стѣпинскій**.

Цензоръ протоіерей **Ілія Лебедевъ**.